

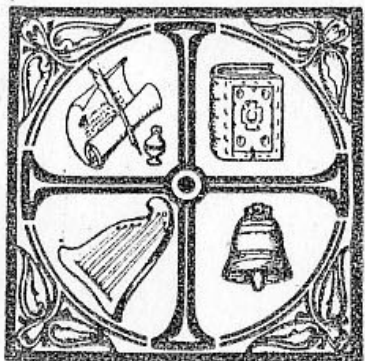
Кл $\frac{78}{111}$

Е. А. ВИНСКАЯ

СЕЛО
МАРФМИНО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1910

ИЗЪ КНИГЪ А. И. ЧУБАНОВА

2002014980

В. Лынский

Учитель Сухаревской средней
школы Краснополянского района

Кл $\frac{78}{111}$

СЕЛО МАРФИНО

Московский рабочий 1940

Вопчина царской знапи

Ясный осенний день. Один из тех прозрачных осенних дней, когда все стынет в неподвижности. В молчании цепенеют вековые деревья парка, гладкой сталью лежит поверхность пруда, замерла лоскутная пустыня полей, пригорюнилась, уйдя в землю потемневшими избами, горбленная, кособокая деревушка.

И вдали, над прудами, над землей и над людьми, высятся большой феодальный замок. Кажется, от него исходит эта мертвая неподвижность и безмолвие. Кажется, будто замок отбрасывает вокруг злое тень и давит своей тяжестью все живое.

От замка через парк вьется дорога. Вот показалась высокая женская фигура. Она приближается, идет прямо к колодезю, где стоят крестьянки. Кто бы это? Уже ясно видно бледное, злое лицо, наглухо застегнутый дорожный костюм. Она, барыня! Всего несколько дней назад одно слово брошенное этими, так напряженно стиснутыми теперь, губами, могло обездолить целую семью. Рука, сжимающая сейчас ручку саквояжа, крепко сжимала всю эту истощенную, исполосованную землю вместе с живущими на ней людьми. А теперь...

— Что, барыня, пришло время и вам пешочком прогуляться? — вырывается у Матрены Башилиной, марфинской крестьянки, стоящей у колодца.

Барыня посмотрела волком, не сказала ни слова и пошла дальше.

— Отпилась нашей крови, барыня, отпилась! — хотелось крикнуть ей вдогонку, но барыня была уже далеко. Она шагала быстро и скоро скрылась из виду.

Так ушла из Марфина графиня Панина. Так, осенью семнадцатого года кончился огромный период жизни села Марфина, одного из старейших подмосковных сел, где, как в капле воды, отразилась история тысяч сел нашей страны.

Местность у бойкой Дмитровской дороги, представлявшей ближайший путь к Волге, влекла к себе расчетливую челядь московского двора. Впервые в истории Марфино упоминается как вотчина думного дьяка Василия Щелкалова, современника Бориса Годунова. Первый марфинский владетель был важной персоной в московском государстве. На него, как на своего покровителя, ссылался Лжедмитрий.

С той поры, т. е. со второй половины XVI века, мы часто встречаем упоминание о Марфине. Владетели его меняются. В бурные годы, когда знатные фамилии так же внезапно возвышались, как неожиданно падали, лакомые кусочки, вроде Марфина, переходили из рук в руки.

После Василия Щелкалова, подвергнувшегося гонению со стороны Годунова, Марфиным владеют Головины, а в 1689 г. поместье достается князю Борису Голицыну.

От этого владетеля Марфина сохранились и поныне красноречивые памятники, приподнимающие завесу над историческим прошлым подмосковного села.

Борис Голицын, сподвижник Петра, игравший не последнюю роль в борьбе против царевны Софьи, был человек для своего времени образованный и от природы не лишенный ума. Он умел изъясняться по-латыни и обнару-

живал склонность к искусствам. Портрет князя, однако, будет не полон, если умолчать о других чертах его характера. По свидетельству современников, он «пил непрестанно», а посаженный в Казанский приказ, правил всем Поволжьем «так абсолютно, как бы был государем».

В историю князь Борис Голицын так и вошел с мрачной славой разорителя Поволжья. «...Любил забавы и разорял взятками вверенные ему области», — кратко и выразительно рисует облик «пьяного Бориско» хорошо осведомленный современник.

Легко представить, как расправлялся просвещенный грабитель в вотчине, принадлежавшей ему лично.

Крепостной архитектор Владимир Белозеров, выполняя приказ князя, выстроил в Марфине церковь. Князь, возвратившись из-за границы, приехал на нее посмотреть. По обыкновению своему сильно подвыпивший, он пришел в ярость, увидев внутри церкви столбы. Вызвали Белозерова. Князь ударил архитектора кулаком в лицо и приказал: «Сечь!»

На княжеской конюшне талантливый строитель марфинской церкви был засечен до смерти. И сейчас, памятником от тех черных времен, сохранилась подле церкви могильная плита, под которой покоится прах засеченного художника.

1728 год. Марфиным уже владеют Салтыковы. Балы сменяются псовыми охотами, оркестры и хоры сопровождают громом салютующих пушек. Спектакли, увеселительные поездки, прославленный разгул московской знати, ошеломлявший издавших виды иностранцев, покупается ценой мучительного изнурения крестьянства.

Слава о марфинских увеселениях гремит по всей стране. Сюда наезжает Н. А. Карамзин, специально написавший водевиль «Только для Марфина». В духе той эпохи автор марфинского водевиля бичевал распущенность нравов:

«Воля портит лишь жену...
Дома им не посидится:
Все бы, все бы по гостям.
Это право не годится,
Приберемте их к рукам» —

назидательно, но безуспешно призывал в своих виршах прославленный историк.

Репетитор графских детей А. Львов оставил точное описание марфинских увеселений.

Здесь, пишет он, давались «богатые пиры гостям, нарочно приезжавшим из Москвы сот до трех и более. Все задние дворы и вся деревня были уставлены экипажами. Сюда съезжались именитые русские бояре пировать... съезжались обыкновенно под праздник, и все отправлялись в церковь к обедне. Под конец обедни обыкновенно на всех башнях и везде по дороге от церкви до самого дома были расставлены музыканты и певчие, которые приветствовали всю процессию торжественным концертом, сопровождаемым выстрелами из 12 пушек.

Гости собирались в залу, где ожидал их сытный завтрак. Все были веселы и довольны. Между тем на заднем дворе происходила необыкновенная деятельность: более тысячи гончих были готовы для потехи бояр.

Шестьдесят псарей управляли охотою.

К концу завтрака весь двор уставлялся сотнями лошадей, богато убранных и назначенных для гостей».

И дальше:

«Тосты начинались с четвертого кушанья и оканчивались двенадцатым или пятнадцатым, и каждый из них сопровождался новым тушем, новою песней, более и более веселою, наконец, при последнем тосте оба оркестра и хора сходились и при звуках 120 инструментов и 80 стройных голосов гости вставали из-за стола».

Дотошный марфинский бытописатель не оставил записей, посвященных другой части марфинского населения —

крестьянству. Но время сохранило от салтыковских времен более достоверные памятники, рассказывающие об этом.

Напротив дворца возвышаются два каменных двухэтажных дома, построенных в древнегреческом стиле. Это — псарни. Да, эти прекрасные сооружения, украшенные колоннами, были предназначены для собак. А на другом берегу озера ютились полусгнившие избы и полуразваленные землянки. Здесь жили люди. Обездоленный, голодный, горемычный марфинский крестьянин жил хуже графских собак.

Другой памятник — Дарьяна роща.

Она прилегает к марфинскому парку. Старые деревья нависают над заросшим прудом. Здесь некогда, как гласит сохранившееся предание, разыгралась трагедия, стоившая человеческой жизни.

У графа Салтыкова была дворовая девка Дарья. Восемнадцатилетняя, едва вступившая в жизнь, она славилась своей красотой. Не раз заглядывались на нее многочисленные графские гости. По пятам преследовал девушку заплывший жиром и всегда пахнувший вином поп Игнатий.

О подвигах «святого отца» хорошо было известно марфинским крестьянам. Ему сходили с рук его грязные похождения, ибо граф питал к своему духовнику большую склонность и поощрял его грехи.

Однажды, когда Дарья шла рощей, отец Игнатий преградил ей дорогу. Девушка скоро обессилела в неравной борьбе.

Всю ночь потом она просидела в роще. Итти некуда, жаловаться некому.

Спустя три дня ее нашли повесившейся на молодой березке здесь же, в роще.

С той поры роща и зовется Дарьиной. С этим именем у марфинского крестьянства связаны воспоминания о годах владычества Салтыкова.

Недолго владеет Марфиным граф Орлов, к которому село перешло от Салтыкова в 1805 г. Проигравшись в карты и не имея сумм для покрытия долга, сиятельный и неудачливый игрок продает Марфино. На 100 с лишним лет, вплоть до 1917 г., оно достается Паниным.

Это был страшный род. Он дал многих душителей свободы и свирепых палачей. Василий Панин был воеводой в походе против Степана Разина. Петр Панин, как бы искупляя увлечения брата своего Никиты, пытавшегося ограничить самодержавие в пользу дворянства, зверски подавлял крестьянскую революцию, когда Екатерина II поставила его во главе правительственных войск, направленных против Пугачева. С гордостью доносил он царице о «виселицах, колесах и глаголях», поставленных им около восставших деревень. Это он, Петр Панин, марфинский владетель, приказал «пересечь жестоко плетми всех крестьян». Его личной изобретательности принадлежит изуверское повеление — «у пахарей, негодных в военную службу, на всегдашнюю память их преступления, урезать у одного уха...»

Из каждых трехсот крестьян восставших губерний один был по приказу Петра Панина повешен, а в назидание всем остальным тела казненных было велено «положить по всем проезжим дорогам». Но и этого показалось мало опьяненному кровью генералу. Панин повелел, чтобы в случае повторного бунта «казнить всех без изъятия возрастных мужиков мучительнейшими смертями».

Но усмиритель зашел слишком далеко. Насмерть перепуганная пугачевским восстанием, императрица остановила его. Излишне откровенное варварство ставило Екатерину в неловкое положение перед ее западными корреспондентами, философию которых она для парадного употребления с такой охотой принимала.

Другой отпрыск этого зловещего рода, Виктор Панин, подвизавшийся сто лет спустя, уже в другую эпоху и на

другом поприще, оставил по себе столь же мрачную память.

Даже в среде петербургской бюрократии Виктор Панин слыл «непереносным бюрократом» и «ужасающим формалистом». В самые торжественные для него моменты он приезжал в свое подмосковное Марфино. Когда Николай I назначил его товарищем министра юстиции, он приехал в Марфино, чтобы здесь, в уединении, подготовиться к предстоящей деятельности. Он прочитал весь «Свод законов Российской империи» и вызубрил наизусть все законы, гражданские и уголовные.

Человеконенавистник, не терпевший самого вида людей, он уставлял комнаты клетками с попугаями и вел с ними беседы, наслаждаясь тем, что слышит раз навсегда заученные речи. Переезжая через Ламанш на пароходе, он провел все время, запершись в своей карете, поставленной на палубе, дабы не смешиваться «с чернью».

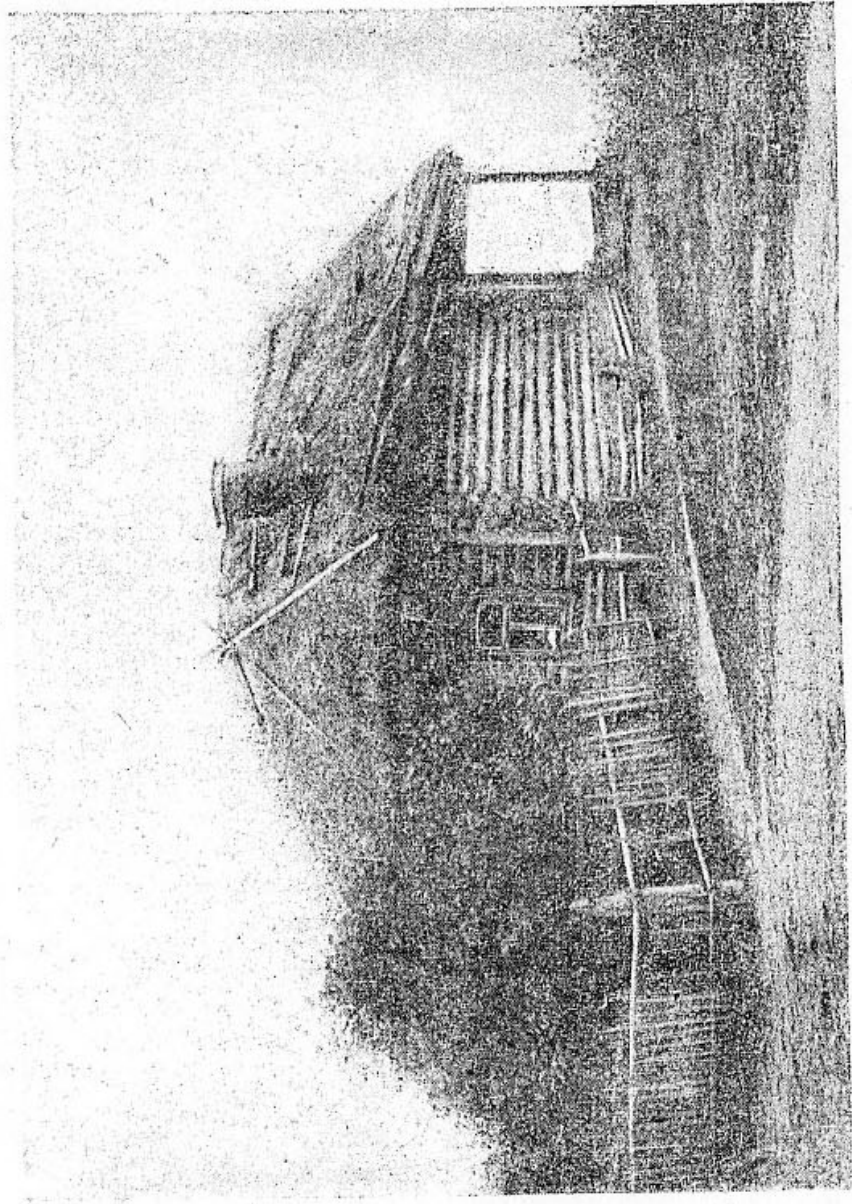
Во время подготовки крестьянской реформы, когда крепостникам показался опасным дух, царивший в редакционных комиссиях, Александр II назначил туда председателем Виктора Панина. Это вызвало в общественных кругах подлинную панику. Когда первые вести о предстоящем назначении Панина дошли до Герцена, он в «Колоколе» писал:

«Как! Панин, Виктор Панин, длинный, сумасшедший(!), который формализмом убил остаток юридической жизни в России... Ха, ха, ха! Это мистификация!»

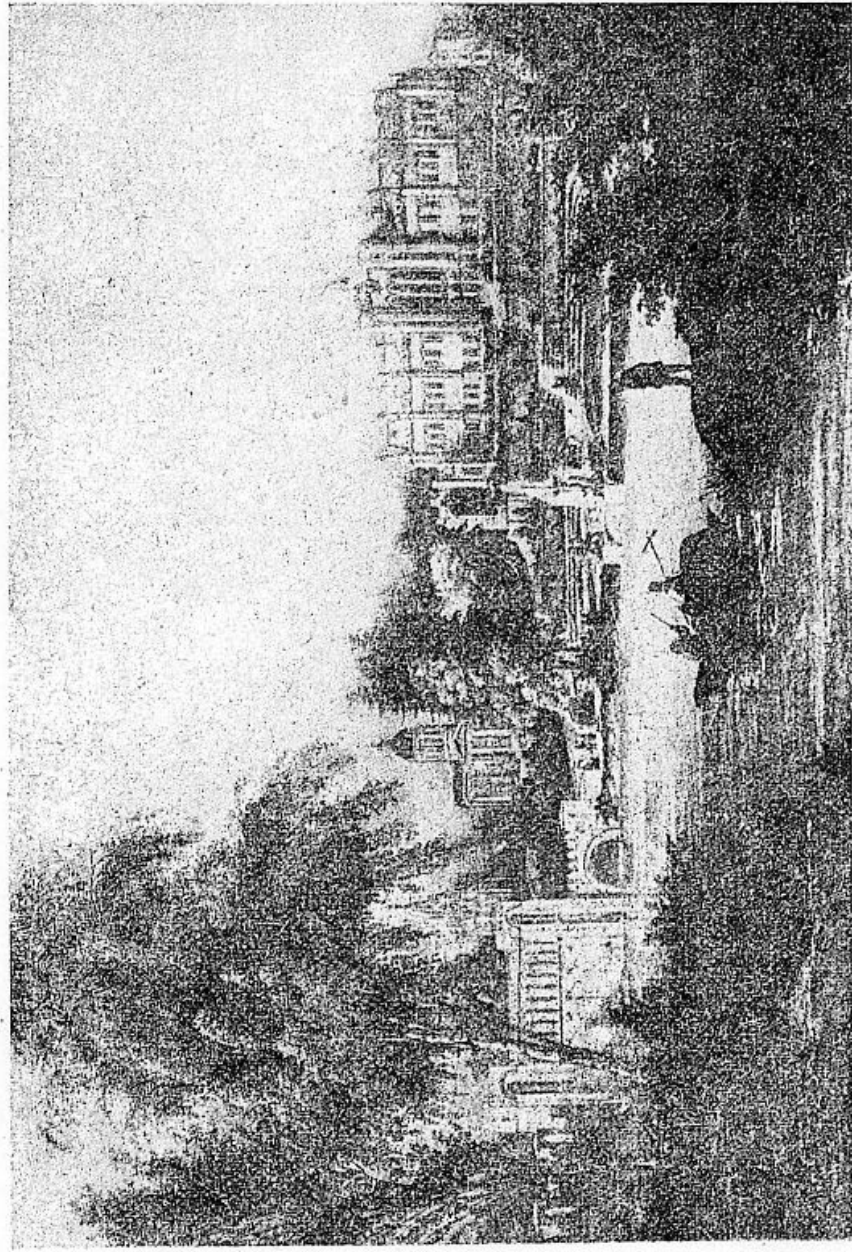
А когда известия оправдались, в «Колоколе» появилась знаменитая статья, одетая в траурную рамку:

«Невероятная новость о назначении Панина подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян».

Спротивление Панина крестьянской реформе имело свою, если можно так сказать, материальную базу. Он владел поместьями с населением в 21 тысячу крестьянских душ и получал годовой доход в 136 тысяч рублей.

Крестьянский дом в селе Марфино до Октябрьской революции.

Бывший дворец графини Паниной в селе Марфино.

Реформа все же, несмотря на противодействие ее главы, произошла.

Крестьяне села Марфино превратились во «временно обязанных». 49 лет они должны были вносить графу Панину выкупные платежи и отрабатывать барщину за то, что граф «наделил» их землей: по 2 десятины на двор.

Расчеты между Паниным и марфинскими крестьянами были изложены в Уставной грамоте.

Но забитые и неграмотные крестьяне плохо разбирались в том, что им читали из этой грамоты, написанной непонятным для них канцелярским слогом. «Крестьяне законных возражений не представили», — подписал мировой посредник на грамоте. А в результате, крестьянам наделили землю так, что приходилось объезжать по 10—12 верст для обработки своей земли, прогонять скот через помещичьи земли за особую кабальную плату. Крестьян лишили прогона для скота и права пользования водой из реки.

Лучшая земля осталась у Паниных.

После отмены крепостного права эксплуатация крестьянства облекается в другую форму. В Московском областном архиве хранится интересный документ. Пишет графиня Н. Панина, наследница «длинного Виктора», своему доверенному:

«Вам разрешаю производить хозяйственные распоряжения, какие вы признаете необходимыми для улучшения имений во всех отношениях, увеличивая доходы их.

Продавать разные произведения имений в безвредном для хозяйства размере по наиболее возможно выгодным для меня ценам».

Доверенный оказался старательным. Выполняя графское поручение об увеличении доходов, он нагло отхватывает у крестьян 49 десятин земли, как якобы незаконно находящиеся в пользовании крестьян. Оброк с крестьян повышается.

Московский уездный съезд на основании ложного доне-

сения доверенного графини Паниной 2 марта 1872 г. постановил:

«Увеличить оброк с крестьян села Марфино в пользу графа Панина за излишнюю землю 49 десятин» (дело № 1958, лист 20).

Завязывается тяжба.

Крестьяне села Марфино в 1880 г. пишут в Московское губернское по крестьянским делам присутствие:

«Мы, крестьяне села Марфино, на основании вышеизложенного находим, что доверенный графини Паниной *прибавил оброк* после составления уставной грамоты *неправильно*. Осмеливаемся покорнейше просить Губернское присутствие дозволить платежи прекратить и переплаченное нами за все время количество оного из оклада, следуемого в пользу помещицы нашей графини Паниной, исключить, о чем и предписать нам, чрез кого следует. Настоящее наше заявление покорнейше просим приложить при выкупном объявлении. К сему заявлению марфинский староста Иван Яковлев вместо всех неграмотных крестьян по их личной просьбе и за себя руку приложил: село Марфино, 25 августа 1880 г.».

Через год последовало решение:

«Губернское присутствие постановило: в жалобе крестьянам Марфина отказать, о чем им и объявить» (дело № 1958, лист 112—114).

Вряд ли нужно говорить, что при такой поддержке Панина чувствовала себя в поместье полновластной, ничем не ограниченной владычицей.

Однажды графиня, придравшись к тому, что несколько крестьян проехало по ее выгону, запретила всему селу пользоваться питьевой водой из озера, а речку Учу, служившую водоемом для скота, загородила.

В селе колодезев не было. Положение стало трагическим. Начался падеж скота. Появились в деревне заболевания. Тогда графиня пошла на «уступки». Она разрешила пользоваться водой... за несколько верст от села.

Крестьяне обратились с жалобой в Московское губернское по крестьянским делам присутствие, которому решили излить все свое горе. Они писали:

«Мы по нашему стесненному положению в наделе желаем иметь полный надел. Уставная грамота составлена помещицей без наших согласий. И кроме сего мы, крестьяне села Марфино, в дополнение к личному нашему заявлению г. неперемому члену, также желаем иметь свободный проход за водой в запруженную помещицей нашей речку Учу. Предлагаемое же в присутствии неперемого члена 31-го числа прошлого июля доверенным графини Паниной г. Певцовым пользование водой за устроенной плотиной мы, крестьяне села Марфино, находим для себя по дальнейшему расстоянию очень стесненным и даже невозможным. К сему заявлению вместо всех неграмотных крестьян села Марфино по их личной просьбе руку приложил марфинский сельский староста Иван Яковлев» (дело № 1958, лист 108).

Ответ был прежний:

«Губернское присутствие постановило: в жалобе крестьянам села Марфино отказать, о чем и объявить» (лист 112, Журнал Московского губернского по крестьянским делам присутствия, октябрь 1831 г., Московский областной архив).

Бесчеловечная эксплуатация вызывала у крестьян жестокою ненависть к угнетательнице. В 1880 г. марфинские крестьяне сожгли скотный двор графини.

— В Сибирь, проклятых холопов, в Сибирь! — иступленно кричала помещица.

Из Москвы приехал следователь. Полицейские рыскали по селу, производили аресты, жестоко били крестьян. Но марфинцы держались стойко. пытки не заставили их выдать зачинщиков. Виновники поджога так и не были обнаружены.

В 1900 г. Н. П. Панина умерла. Имение Марфино перешло в руки ее внучки — С. В. Паниной — последней

марфинской помещицы, изгнанной из села только в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

Другие времена, другие песни. Разрастается забастовочное движение. Поднимается революционная волна. Титулованную марфинскую помещицу, последнюю представительницу старинного рода Паниных, мы видим в рядах партии «народной свободы». Графиня-кадетка, пользуясь каждым случаем, демонстрировала свой либерализм, не распространяя его, однако, на деловые отношения с крестьянством. Марфинские крестьяне испытывали на себе тяжкий гнет панинской эксплуатации вплоть до самой революции. Голод, нищета, культурный мрак были постоянными их спутниками на всем протяжении панинского владычества, как и во времена Салтыковых и Голицыных.

В последние свои часы, собираясь бежать за границу, графиня Панина говорила:

— Жалко мне расставаться с имением. Жалко больше всего потому, что все нажитое годами пойдет прахом, пропадет. Загадят мой дворец, аллеи, парк...

Что ж, мы видим теперь истинную цену мрачного проридания выгнанной помещицы. Мы идем по марфинским улицам, аллеям и паркам, заходим в крестьянские дома, осматриваем их хозяйство. Мы не видим предвещанного графиней запустения. Повсюду расцветает новая жизнь, невиданная за всю многовековую историю села Марфино, жизнь богатая, культурная и счастливая.

II

Производственная жизнь села Марфино

Повинуясь духу времени, графиня вела в Марфине «экономическое хозяйство». Она искала путей повышения доходности своего имения. Отчаявшись добиться скольконибудь сносного урожая зерна и приписывая это особым свойствам почвы, предприимчивая помещица пренебрега-

да аристократизмом и пустилась в рыночные операции. В хозяйстве была заведена крупная ферма, на 100 голов. Молоком, маслом и мясом с графской фермы торговали на московских базарах.

Однако, ожидаемых барышей животноводство не принесло. Плохо ухоженные и неправильно кормленные коровы не оправдывали затрат. Ферма прогорела.

Графиня принялась за овощи. Подводки с графскими огурцами устанавливались на московском «Болоте» рядом с кулацкой капустой. Но и здесь сиятельная барышница терпела поражение, и вскоре, не успев расцвести, новая отрасль умирала, как и прежние.

Оставалось исконное барское занятие, дававшее пропитание не одному поколению тунеядцев, — свод леса, хищническое истребление лесов, распродажа их оптом и врозь. Тем графиня и кормилась.

Если говорить об этом наследии рода Паниных, то оно, действительно, «пропало» и пошло «прахом».

На той самой почве, где раньше в самый удачный год получали 5 центнеров зерна, теперь в колхозе получают в пять раз больше. В 1937 г. колхозники села Марфино собрали в среднем с каждого гектара по 25 центнеров зерна. В 1939 засушливом году марфинцы собрали с каждого гектара по 15 центнеров ржи и по 16 центнеров овса.

Оказалось, дело не в свойствах почвы. Подневольный труд, примитивные орудия производства и варварские способы хозяйствования давали нищенские урожаи. Свободный труд, тракторная обработка и научные приемы земледелия извлекли из той же почвы урожаи обильные, никогда здесь раньше не виданные.

В машинном сарае колхоза — жатки, косилки, триеры, молотилки, другие сельскохозяйственные машины. Посевы в колхозе сплошь сортовые: пшеница — «2411», рожь — «вятка», овес — «А-315», картофель — «Лорх» и «эникур».

Землю колхозники удобряют согласно требованиям науки, под наблюдением агронома. В 1938 г. колхоз получил более 500 тонн минеральных удобрений. Кроме того, колхозники заботливо накапливают местные удобрения: навоз, куриный помет и др. В 1939 г. было вложено в почву не меньше удобрений.

Колхоз строго укладывается в рамки севооборота, дающего высокие урожаи и притом обогащающего почву, повышающего плодородие.

В колхозном производстве тесно связаны наука с практикой. Научное направление хозяйству дает не только колхозный агроном, но и десятки опытных колхозников, прекрасно владеющих агротехникой. Марфинские колхозники усердно занимаются на всевозможных курсах по агротехнике — заочных, радиокурсах и в кружках, руководимых агрономом. Широкое развертывание стахановской инициативы идет рука об руку с повышением уровня агротехнических знаний.

Этим, собственно, в значительной мере и объясняется, что малопродуктивные в помещичьем имении отрасли стали основным источником богатства колхоза.

В колхозе есть своя молочно-товарная ферма, свиноводческая ферма, свое овощное хозяйство. На свиноводческой ферме стоит 65 голов свиней английской породы. За один лишь 1938 г. ферма продала государству продукции на 9 030 рублей. В 1939 г. продано на 15 тысяч рублей, а в 1940 г. запланировано продать государству на 40 тысяч рублей. Доходы от фермы дали возможность колхозу купить грузовой автомобиль.

Для характеристики овощной отрасли колхоза достаточно привести в пример парниковое хозяйство. Несколько сот парниковых рам, имеющихся в колхозе, предназначено для выгонки рассады. Рассадой колхозники полностью обеспечивают свой колхоз и продают ее соседям. Выполнив эту свою основную задачу, парники дают колхозу и овощи. После рассады в парниках сажают огурцы.

Они созревают рано. Благодаря этому, колхоз вывозит свежие огурцы на городской рынок в самом начале лета.

Парниковым хозяйством руководит колхозница Е. Г. Пискарева. Она окончила специальные курсы парникового дела. Уровень знаний заведующей парниковым хозяйством Марфинского колхоза стоит неизмеримо выше знаний любого самого опытного огородника-практика старого времени, когда огородное дело почиталось чем-то близким к колдовству и когда оно под Москвой находилось почти целиком в руках кулаков. Какими жалкими выглядят все «секреты» кулаков-огородников в сравнении с научной постановкой парникового дела в Марфине.

Сила колхоза в том и состоит, что в любой его отрасли можно встретить десятки колхозников, прекрасно владеющих техникой своего дела, постигших научные приемы земледелия и, главное, беспредельно преданных колхозному делу.

Всю производственную жизнь колхоза направляет производственный план. Он обсуждается на колхозных совещаниях и на общем собрании горячо, страстно, с большим знанием дела. Когда на общее собрание колхозников было вынесено обсуждение производственного плана на 1939 г., пожелали высказаться чуть ли не все колхозники. У каждого нашлись свои замечания, рационализаторские предложения. Подчас трудно было различить, говорит это агроном или рядовой колхозник. И каждое предложение было о дальнейшем развитии животноводства, о расширении площадей под овощными культурами, о сооружении теплиц, — коротко говоря, о дальнейшем расширении и укреплении колхозного производства. В такой обстановке проходит каждое производственное совещание колхозников.

Марфинская земля впервые обрела своих подлинных хозяев. Они создают новую культуру производства, о которой и мечтать не могли старые хозяева Марфина, строившие все свое производство и все свои расчеты на

эксплуатации, на закабалении, на нищете и бесправии трудящегося крестьянства. Кто шел работать в имение Паниной? Тот, кого нужда держала за горло. Тот, у кого нехватало хлеба для пропитания детей. Тот, кто был вконец разорен. И чем горше была эта нужда, чем безвыходней было положение труженика, тем дешевле продавал он свой труд.

Вот почему все отношения между помещицей и тружениками сводились к тому, что поместье стремилось видеть вокруг себя побольше нищих и разоренных, подешевле продающих свой труд, а труженик изворачивался, пытаясь избежать помещичьей кабалы. Естественно, что такой строй хозяйства стоял на самом низком уровне культуры. Только уничтожение этого строя открыло на марфинские поля и луга широкий доступ культуре, науке, передовой стахановской практике.

III

Богапства колхоза

Вы проходите по марфинским улицам и повсюду видите рост колхозного благосостояния. Вот новая конюшня, овощехранилище. Заново оборудованный свинарник уже не удовлетворяет колхозных животноводов. В 1939 г. будет построен новый. Запроектирован и новый скотный двор, и новый гараж.

Вот окруженный фруктовым садом нарядный дом. Он принадлежит колхознику Павлу Ефимовичу Зайцеву и выстроен уже на колхозные доходы. Зайдемте в этот дом, в его просторные и чистые комнаты. Здесь Павел Ефимович расскажет вам о доходах, которые дает ему колхоз, о своей радостной и счастливой жизни. Подошла уже пора получать продукты на трудодни за текущий год, а еще прошлогодние остались. Приходится закрома строить.

Зайдемте рядом, в соседний дом, новый и большой. Он принадлежит колхознику Александру Дмитриевичу Налимову. И он вам расскажет о том же, об изобилии продуктов, о зажиточности, о счастливой жизни в свободной стране. Колхоз дает ему все, что необходимо для зажиточной, культурной жизни. Вдоволь хлеба, около 300 пудов корнеплодов, 300 пудов картофеля, 100 пудов сена — таков годовой итог работы в колхозе. Одних только денег, кроме продуктов, Александр Дмитриевич получит на трудодни за год около 4 тысяч рублей.

Пойдем дальше и навестим семью колхозников Ротатаевых. Вчера здесь получили письмо от инженера Ротатаева, не сегодня-завтра сельский писмоносец принесет весточку от летчика Ротатаева, а там обещал навещать домом третий сын Ротатаевых — советский хозяйственник.

Осмотрите вокруг, и вы увидите культурную обстановку — зеркальный шкаф, комод, два больших зеркала, буфет. Вам бросаются в глаза предметы культурной жизни — хорошее радио, патефон, гармонь, охотничье ружье.

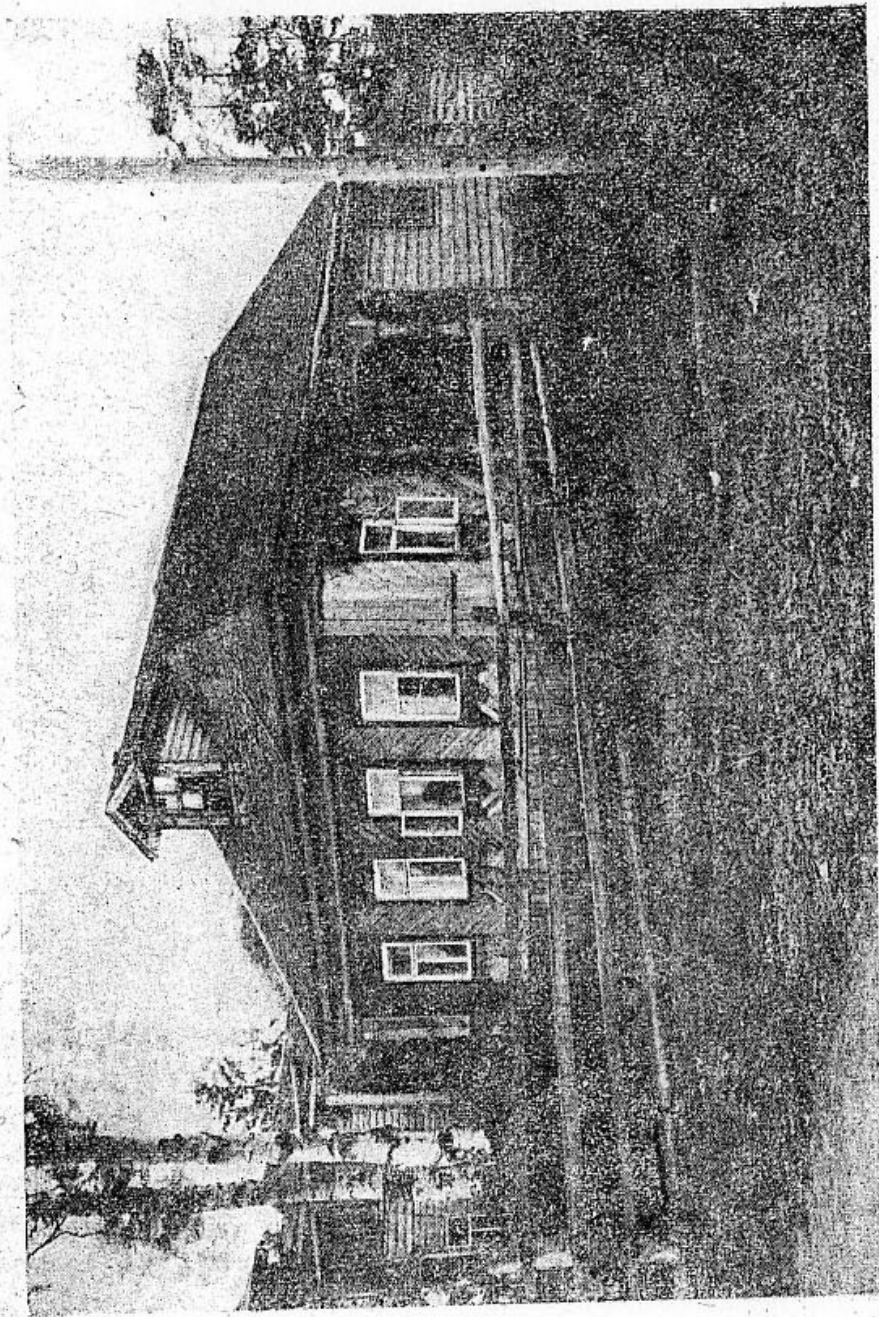
Самое примечательное, что это отнюдь не исключительная обстановка, а типичный быт марфинского колхозника, новый быт нового советского крестьянства.

Чтобы постигнуть всю пропасть, лежащую между нынешней жизнью крестьянства и прежней, заглянем в прошлое этих же самых людей, о которых мы говорили.

Павел Ефимович Зайцев. Он жил в землянке. В течение круглого года здесь царил пронизывающая до костей сырость, а в дождливый год землянку заливала вода. Тогда Зайцев переселялся повыше, пристраивался ближе к потолку.

— Как мы все выжили, удивительно, — вспоминает Павел Ефимович.

Работал он на графиню Панину, работал, не разгибая спины и не покладая рук, но ничего в хозяйстве своем не

В таком доме живет теперь семья колхозника Ротатаева.

нажил. Кормился тем, что приносили ему сердобольные соседи.

Александр Дмитриевич Налимов. Также работал на Панину, состоял при лесопилке. Работа была каторжная. В довершение всего, крестьянину Налимову на лесопилке отрезало руку. Вся семья ходила к Паниной, выплакивая у нее помощь. Помещица, памятуя о своей либеральности, установила Налимову пенсию — три рубля в месяц. На эти деньги должна была кормиться семья в восемь человек.

Глава семьи Ротатаевых не дожидаясь до колхозных дней. Его дочь рассказывает о прежней жизни:

— В семье было 12 человек. Отцовских заработков, составлявших ничтожные гроши, не хватало на пропитание. Мы, дети, должны были взять суму и пойти по миру. Отец работал из последних сил, недоедал, недосыпал и в конце концов тяжело заболел. Я помню, как он, с'едаемый туберкулезом, истекающий кровью, едва дыша, работал на подноске леса. Однажды, когда отец нес лес, у него пошла горлом кровь, начал душить кашель. Он бросил доски на землю и припал к дереву. Управляющий Чайкин подбежал к отцу, стал подгонять его пинками в спину и нещадно избивать. Это был последний час работы моего отца. Он не выдержал побоев и спустя час умер.

Такая судьба ждала марфинских крестьян, когда там властвовал помещичий произвол. Жил в селе крестьянин — Ефим Петрович Карпычев. Всю свою жизнь он работал на помещицу, и у него была одна мечта: хоть однажды за всю жизнь наесться досыта. В семье девять человек, работник один, а надел — полторы десятины. Крестьянину Карпычеву казалось, что своей службой, ежедневной и тяжелой, он заслужил право на милость помещицы. Ефим решил обратиться за помощью к графине. Он подошел к воротам, но сторож его задержал. Ефим упрашивал, объяснял, как важно ему повидать графиню, рассказывал о своей нужде, но сторож был неумо-

лим. Доведенный до отчаяния, Ефим оттолкнул сторожа. За этой сценой следил управляющий Чайкин и, как только Ефим прошел в ворота, спустил на него цепного пса. Пес бросился на Ефима и сбил его с ног. Он изорвал последнюю Ефимову одежду, искусал его и, науськиваемый управляющим, бросался на Ефима вновь и вновь. Тогда, набравшись сил, Ефим схватил пса за горло и стал душить. Но пса кормили лучше, чем Ефима. Он был сильнее, вырвался и прокусил Ефиму ногу. Обезумев от боли, Ефим схватил булыжник, запустил в собаку и вышиб ей глаз.

О страшном преступлении строптивного крестьянина стало немедленно известно графине. Она негодовала. Кто смел поднять руку на ее пса? Ефима было приказано сечь. Сечь до тех пор, пока он сам досчитает до тысячи.

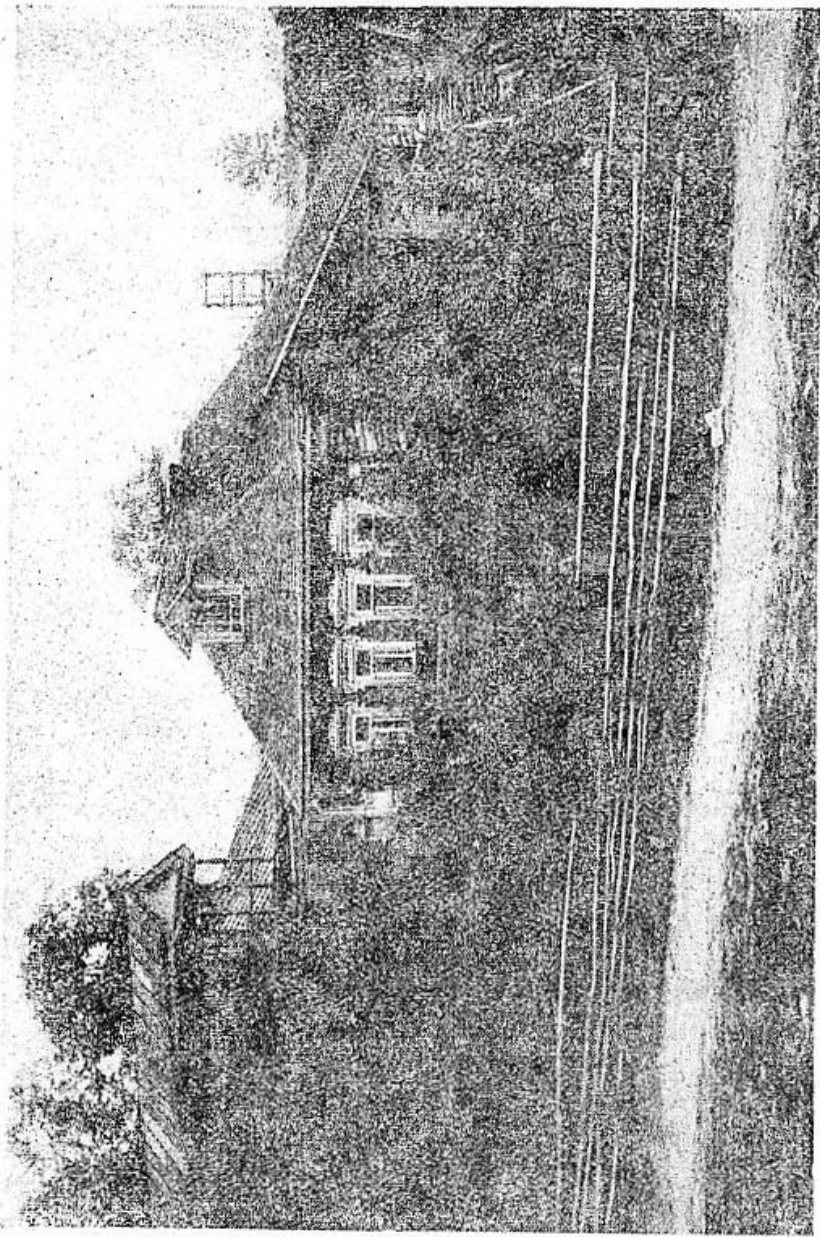
Крестьянин Карпычев не досчитал до тысячи. Под ударами плетей он скоро потерял сознание, а барским палачам, сбившимся со счета, все казалось, что и половины нет. Последние удары они наносили уже по мертвому телу. Поздно ночью к Пелагее, жене Ефима, принесли тело ее мужа.

Поп отказался отпевать Ефима: у вдовы не хватало денег до положенной за отпевание таксы. Пелагея сама вырыла могилу, сама сколотила гроб и на лошаденке, выпрошенной у соседа, повезла хоронить Ефима.

На другой день ей сказали, что надел от нее отходит, так как в семье нет мужчин.

В глубокую осень, в суровые морозы, в пургу и бурю под окнами марфинских крестьян стучались дети Пелагеи. Нищие просили хлеба у нищих.

Помещичий строй лишил крестьянских детей детства, он отнимал у марфинских крестьян радость и даже жизнь. Ибо то существование, на которое были обречены марфинские крестьяне, когда над всем властвовала сиятельная помещица, трудно назвать жизнью.

Дом колхозника П. Е. Зайцева, семья которого жила в землянке.

И когда у марфинских крестьян спрашивают, какие богатства они обрели в колхозе, они отвечают: жизнь! Счастливая, зажиточная, культурная жизнь — вот богатство, которое дал им колхоз.

Нет больше в Марфине людей с такими биографиями, как у Ротатаева или Карпычева. Нет больше старой жизни, которая уродовала людей, давила их, отнимала у людей труд и надевала суму на их детей.

В Марфине — своя школа. Дети марфинских крестьян все учатся. 200 ребят — в начальной школе, 100 — в неполной средней и 20 — в восьмых и десятых классах средней школы. А дальше перед ними открыты все дороги и гостеприимно распахнуты двери школ, заводов, фабрик и родного колхоза, предъявляющего настоятельный спрос на культурных, образованных работников.

В селе — своя лечебница, обслуживаемая опытным врачом. Колхозники получают квалифицированную медицинскую помощь у себя же в колхозе. И не водится больше в советском Марфине лекарей, подобных бабке Пименовне. Она именовала себя костоправом, а втихомолку ее прозвали костоломом. И до сих пор напоминает она о себе изуродованными ногами и руками прибегавших к ее помощи стариков-крестьян. Нет больше бабок-повитух, единственных некогда помощниц крестьянки при родах, искалечивших и укоротивших множество человеческих жизней.

В панинском Марфине крестьяне не знали, что такое культурный досуг. Для них были открыты лишь двери церкви да трех кабаков, хитро расставленных в разных концах села.

Теперь свой досуг колхозники отдают книге, спорту, клубу, художественной самодеятельности.

В марфинской библиотеке насчитывается 6 500 книг. Здесь собраны лучшие произведения мировой литературы. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов, Горький, Г. Гейне,

Бальзак, Сервантес, Золя, Анатоль Франс представляют художественную литературу в колхозной библиотеке. В ее фондах собраны произведения Белинского, Добролюбова, Писарева. Библиотека получает все новинки советской литературы — Шолохова, Алексея Толстого, произведения советских поэтов. На полках библиотеки — большой раздел марксистской литературы: «Капитал» Маркса, «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» Энгельса, полное собрание сочинений Ленина, «Вопросы ленинизма» Сталина.

В библиотеке 500 читателей. Они жадны к книге, знают в ней толк, умело ею пользуются. Колхозники-коммунисты И. Е. Царев и Н. А. Фадеев серьезно работают над произведениями Ленина. Колхозницы-комсомолки В. Прибылова, С. Генералова и многие другие также изучают произведения Ленина и Сталина. Колхозники Константин Карпычев, Николай Турбинов, Петр Круглов, Григорий Орлов и многие другие — завсегдатаи библиотеки, ее постоянные читатели.

При библиотеке есть своя читальня. Она всегда полна. Колхозники читают здесь газеты, знакомятся со свежими журналами. Для того чтобы дать представление о вкусах и читательском уровне марфинских колхозников, мы приведем краткий, но выразительный список некоторых газет и журналов, получаемых марфинскими колхозниками по подписке. Это, конечно, «Правда», «Известия». Это, кроме того, «Литературная газета» и «Советское искусство». Из журналов упомянем «Большевик», «Новый мир». Буквально нет ни одной отрасли науки, искусства, нет ни одной стороны жизни, которая не интересовала бы колхозника.

Поэтому так культурен досуг колхозников. В колхозе несколько самостоятельных кружков. Особенно деятелен и популярен драматический кружок. Его последняя постановка — «Платон Кречет». Она сопровождалась успехом, несмотря на большую избалованность и требовательность марфинского зрителя.

Колхозная молодежь изучает военное дело, увлекается спортом. Почти у каждого комсомольца на груди значки ворошиловского стрелка и ГТО. Колхозные лыжники и конькобежцы устраивают свои состязания, в которых, быть может, не слишком строго соблюдаются спортивные законы, но зато неисчерпаемый запас энергии, задора, спортивного азарта и мастерства. А летом старые деревенские «городки» пополняются волейболом, теннисом, футболом, плаванием во всех известных этому искусству стилях.

Живописный марфинский пейзаж, о котором некогда говорили, что он создан «изысканным вкусом» Паниной и который в действительности создан крепостным трудом многих поколений крестьянства, этот величественный парк, рощи и сады, леса и пруды впервые стали служить своим законным хозяевам. По ровным дорогам села катят колхозные велосипедисты. По тропинкам леса, с ружьем за плечами, пробираются не знающие усталости страстные колхозные охотники. В парке, в тени вековых деревьев отдыхают марфинские колхозники за книгой или ведут нескончаемые бои на шахматной доске.

А во дворце, где жили окруженные народным гневом туенядцы и угнетатели, где текли дни самых ненавидимых народом и чужих ему людей, сейчас живут любимцы народа, его гордые соколы. В бывшем дворце Паниных сейчас дом отдыха советских летчиков.

IV

Новые профессии

Колхозный строй вызвал к жизни множество новых профессий. Трактористы-колхозники, работающие при машинах, многочисленные кадры «металлистов деревни», как их сейчас называют, появились лишь в последние годы.

Но и старые профессии настолько преобразились, что по существу они сплошь и рядом могут быть названы новыми, рожденными колхозным строем.

Доярка марфинской колхозной фермы Федотова работала дояркой и на ферме Паниной. В ее обязанности тогда входило: доить коров, чистить навоз, привозить и давать корм, привозить воду, колоть дрова для подогревания воды и т. д. Коротко говоря, в обязанности доярки входил весь круг работ на ферме. И, вместе с тем, она жила особняком от фермы, мало вникала в ее работу и конечно, никак не была заинтересована в ее успехах. Доярка кормила скот, но никакого понятия о нормах кормления, о питательности кормов, о сроках кормления не имела. Она ухаживала за скотом, но самых простейших правил ухода не знала. Средний удой коровы не превышал 500—600 литров в год. К тому же, коровы, находившиеся без присмотра специалистов, постоянно болели.

Какие средства были у помещицы, чтобы улучшить дела на ферме?

— Когда коровы заболели, графиня нас поедом ела, — рассказывает колхозница Федотова.

Вот, по сути дела, и все средства, которыми пользовалась помещица: поедом ела.

На доярке Федотовой теперь в колхозе лежит меньше обязанностей: доить коров, задавать корм и ухаживать за коровами. И, тем не менее, доярка Федотова теперь в курсе всех дел фермы, она живет интересами фермы. Более того, поговорите с дояркой Федотовой, как и с другими доярками, и вы поймете, что перед вами люди высокой квалификации, владеющие научными приемами работы. Доярка не просто знает, в какие часы, чем и как кормить корову, но она может дать всему научное объяснение. Благодаря этому, колхозная доярка и добивается такой продуктивности животноводства, на которую помещичья ферма, конечно, рассчитывать не могла.

Василий Федорович Орлов, работающий сейчас на колхозной ферме скотником, работал скотником и на ферме Паниной. У помещицы было два скотника. Оба работали с утра и до поздней ночи. Они также должны были кормить скот, но, как рассказывает т. Орлов, «иногда дашь два раза в день, иногда три, а бывало, что корма нехватит, коровы и вовсе стоят некормленными». Большая часть времени уходила на чистку навоза, но коровы тонули в навозе, ибо считалось, что так теплее. Скотник помещицкой фермы был чем-то вроде дворника. Его заставляли чистить парковые аллеи, перевозить грузы и т. д. Естественно, что ни о какой производственной квалификации скотника говорить не приходилось.

Скотник колхозной фермы несет немногочисленные и точно ограниченные обязанности: чистка скотного двора, подготовка подстилки для скота и помощь дояркам в кормлении коров. Но в эти, казалось бы, простые обязанности вносится столько специальных знаний, что скотник колхозной фермы по праву может считаться человеком большой производственной квалификации. Он знаком с основными требованиями зоотехники и ветеринарии, изучает индивидуальные свойства животных, умеет составить правильный кормовой рацион, участвует в разработке режима на скотном дворе.

Семен Михеевич Чекулаев 22 года работал конюхом у Паниной.

— Вся работа конюха заключалась тогда в том, чтобы чистить конюшню и давать корм, — рассказывает Чекулаев. — Кормили лошадей нерегулярно, никогда их не чистили. Ветеринарной помощи не было. Лошади болели, выходили из строя. За одну зиму 1916 г. пало 17 лошадей.

Семен Михеевич Чекулаев и сейчас работает конюхом, но он конюх колхозный, и его обязанности коренным образом изменились. Дело не только в том, что лошадей кормят теперь по строго разработанным нормам, что лошадей во-время поят, чистят, соблюдая все правила тех-

ники ухода за конем. На конюхе лежит обязанность подготовки лошадей к работам. С этих позиций и оценивается вся работа конюха, этим и определяется роль конюха в колхозе. Ему доверен важнейший участок колхозного производства — живая тяговая сила, ее работоспособность; он отвечает за правильное воспроизводство конского поголовья, за воспитание молодняка. Совершенно понятно, что для такой работы требуется человек с большими техническими знаниями, ибо теперь уход за конем — тонкая профессия.

Конюх, доярка, скотник, выполнявшие подневольные обязанности в хищническом хозяйстве помещицы, были темными и отсталыми людьми. Конюх, доярка, скотник, как и большинство участников колхозного производства, — это работники, вооруженные специальными знаниями, люди высокого культурного уровня. Они работают не вслепую, в них нет равнодушия к работе, которое характеризуется поговоркой: «день да ночь, сутки прочь». Они ясно видят перспективу своего труда и горят той чудесной заинтересованностью в конечных результатах своего труда, в успехе общественного дела, которая составляет душу каждой большевистской работы.

V

Политический рост марфинского крестьянства

Богатая событиями жизнь нашей страны дает множество примеров политического роста людей. Рядового колхозника Ивана Сергеевича Шуравина, кандидата партии, выдвинули в председатели колхоза, и он прекрасно справляется с этой работой. Ольга Архиповна Прохорова, кандидат партии, также рядовая колхозница, стала заведовать яслями. Колхозник Василий Васильевич Кузнецов выдвинут в председатели сельсовета.

Выборные кампании верховных органов страны и местных Советов депутатов трудящихся приобщили к политической жизни огромные массы крестьян. Многие из них вели активную агитационную работу. Такие колхозники, как С. М. Прибылов, Ф. Фадеев, Д. Федотова, такие учительницы, как С. И. Розанова, Е. О. Шестакова и многие другие, показали себя умелыми и стойкими агитаторами за дело Ленина — Сталина, за партию, за дальнейшее упрочение советского строя. Этим людей взрастила коммунистическая партия, советская власть, колхозный строй.

Деятельную помощь им оказала местная марфинская партийная организация, марфинские коммунисты, которые своим личным примером увлекали беспартийных колхозников, приобщая к активной политической деятельности. Коммунисты Г. И. Кравцов, В. Б. Самсонов, А. Д. Фадеев, выступая в избирательной кампании в качестве агитаторов, провели большую организующую и воспитательную работу среди колхозников.

Замечательных агитаторов и организаторов колхозных масс выдвинула из своей среды и комсомольская организация.

Мы видим множество примеров, как люди, стоявшие в стороне от общественной жизни, стали активными участниками собраний, политбесед, регулярно читают газеты и хорошо разбираются в вопросах политической жизни.

Все знали колхозницу Елену Григорьевну Пискареву как хорошую производственницу, всегда честно выполняющую свои обязанности в бригаде, работающую добросовестно. Но все также знали, что колхозница Пискарева редко посещает колхозные собрания и уж совсем не бывает на занятиях в десятидворках. Газет она не читала. Коротко говоря, эта хорошая производственница стояла в стороне от кипучей общественной жизни села. Было

ясно, что нужен какой-то толчок, умелое воздействие, чтобы приобщить Пискареву к политической жизни.

Агитаторы стали частыми гостями Елены Григорьевны. Осторожно, исподволь они раз'ясняли ей значение общественной работы на селе, рассказывали о политических событиях, происходящих в стране.

Нельзя сказать, что агитаторы сразу нашли у Пискаревой хороший прием. Однако, они, как подлинные большевики, были настойчивы и тверды. Шаг за шагом они подводили колхозницу Пискареву к правильному пониманию задач общественной работы.

Такая настойчивость имела особое значение. В колхозе было немало людей, которые работали хорошо, но считали этим все свои общественные обязанности исчерпанными. «Хорошо бы человек работал на поле, а на собраниях каждый говорить сумеет», — так рассуждали очень часто люди, не сумевшие еще освободиться от груза старой деревни, жившей по известному правилу — «моя хата с краю».

Вызвать общественную активность у Пискаревой — это означало сломить не только ее личные настроения. Это прекрасно понимали марфинские агитаторы.

Перелом в настроении Пискаревой наконец наступил. Однажды ей прочитали статью из журнала, рассказывающую о жизни женщин за рубежом. Елена Григорьевна нахмурилась и прослезилась. Стало ясно, что эти темы затрагивают Пискареву всего ближе. Агитатор, зайдя к Пискаревой в другой раз, прочитал ей отрывок из книги А. Каравасовой «Моя жизнь», описывающей тяжелую жизнь деревенской женщины в старое время. Простой и выразительный рассказ о жизни, так хорошо знакомой Пискаревой, взволновал ее до глубины души. Именно в этот день, когда ей сообщили об очередном занятии десятидворки, Елена Григорьевна, задумавшись, впервые сказала:

— Надо пойти...

С этого времени она была уже постоянным участником политбесед и колхозных собраний. Сначала она только слушала. А потом и сама стала выступать. О колхознице Пискаревой уже говорили в селе, как об одной из активнейших общественниц. Раньше, бывало, проходит почтальон, она его окликнет.

— Письма есть?

Если писем нет, она не пойдет в сельсовет. Больше ее ничего не интересует. Газет ей не надо.

Теперь ее встречи с почтальоном проходят уже иначе:

— Газету принес? Почему вчера не приносил?

Повысилась и производственная активность Пискаревой. Ее выдвинули в бригадиры. Она энергично взялась за работу. А во время выборов в Верховный Совет РСФСР колхозники выдвинули Пискареву в члены участковой избирательной комиссии. Теперь уж она сама ходила по домам колхозников и раз'ясняла великие статьи Сталинской Конституции.

Примерно тот же путь совершила и колхозница Карпычева. Как и Пискарева, она вначале не принимала почти никакого участия в общественной работе, не посещала собраний, не читала газет. С ней специально начали работать агитаторы-комсомольцы. Они сумели заинтересовать Карпычеву, привить ей интерес к газете, вызвали в ней высокую любознательность, стремление быть всегда в курсе политических событий. Карпычева вступила в комсомол и сама стала агитатором.

Третий пример уже касается работника другого участка колхозной жизни. Речь идет о сельском интеллигенте — школьном учителе. Михаил Иванович Бодунов дальше школы никуда не ходил. Его не видели ни в сельсовете, ни на колхозных собраниях. Это не было намеренной отчужденностью от колхозной массы, ибо Михаил Иванович, несомненно, человек, тесно связанный с народом, с его интересами. Скорее это была своего рода ро-

бость, непривычка к общественной работе. Когда т. Бодунову все же поручили вести агитацию в десятидворках, он отговаривался, утверждал, что не справится. Но партийная организация ему помогла. Он начал работать и великолепно справился. В результате, учитель Бодунов стал агитатором, который с большим увлечением проводил беседы, полюбил агитацию, принялся за углубленное изучение политической литературы. В период подготовки к выборам в Верховные Советы РСФСР колхозники уже выдвинули т. Бодунова, как активного общественника, в члены участковой избирательной комиссии. Оказанное ему доверие он оправдал. Сейчас учитель Бодунов — член Ленинского комсомола, один из самых умелых и активных агитаторов села Марфино.

Так живительный воздух колхозной деревни, новой, советской деревни, руководимой великой партией Ленина—Сталина, растит новых людей, у которых сильно развиты общественные интересы и которые безгранично преданы своей родине, делу колхозов, народному благу.

Эти новые чувства, идеи и настроения, владеющие колхозной деревней, проявляются и в повседневной будничной работе, и в дни больших политических событий. Колхозники с любовью говорят о родине, о партии, о великом Сталине, взрастившем новое, советское крестьянство.

Стоит побывать на колхозных собраниях, послушать речи колхозников, чтобы ясно ощутить великие перемены, происшедшие в деревне. В годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в Марфинском сельсовете собрался торжественный пленум. Колхозники пришли сюда, как на большой праздник. Одеты в лучшие свои платья, нарядные и торжественные, они заполнили помещение сельсовета еще задолго до начала пленума. Царила та особая приподнятость, которая бывает в момент выдающихся событий.

Доклад марфинского коммуниста Самсонова продол-

жался два часа. Он говорил о пути, пройденном нашей великой страной за годы революции, он говорил о Сталине, руководящем всей борьбой трудящихся, он звал повысить бдительность против врагов народа, он призывал к уничтожению троцкистско-бухаринских гнезд, и каждое его слово находило глубочайший отклик среди собравшихся. Докладчик выражал общие настроения колхозной массы.

Когда он кончил, пожелали говорить и старики, и молодежь, колхозники и учителя, мужчины и женщины, люди всех профессий и возрастов. В этих речах хорошо сочетались будничные вопросы колхозной практики с большими задачами политической важности.

Наибольшего подъема достигло собрание, когда колхозница Пискарева в своей речи сказала:

— Большое счастье быть гражданином Советской страны. Огромное счастье жить и работать под руководством Сталина.

Ее прервали восторженные возгласы и рукоплескания.

— Большевикской работой на колхозных полях, — закончила Пискарева при единодушном одобрении, — мы докажем свою безграничную преданность матери-родине.

В этом и состоит характернейшая черта новой жизни, которой живет советская деревня. Колхозникам ясна государственная важность их работы. Они ощущают себя участниками политической жизни огромной страны. Они дают себе ясный отчет в том, что каждый их успех — это успех борьбы за процветание родины, за дело коммунизма.

Колхозники безгранично преданы своей матери-родине, великой партии Ленина — Сталина. Они исполнены жгучей ненависти против врагов народа, троцкистско-бухаринских выродков, пытавшихся отнять у трудящихся их свободу, их счастье. Колхозники готовы бороться до конца, чтобы умножить победы социализма.

Марфинские колхозники, ясно ощущающие свой политический рост, вместе со всеми трудящимися нашей страны с любовью произносят имя своего друга и учителя, заботливого отца и мудрого вождя — великого Сталина, ибо с этим бесконечно дорогим для них именем связано их счастье, их радость, их новая, светлая жизнь.

VI

Интеллигенция села Марфино

«К сему заявлению марфинский староста Иван Яковлев вместо всех неграмотных крестьян, по их личной просьбе, и за себя руку приложил».

Мы уже знаем, что так неизменно заканчивались прошения марфинских крестьян. Население было почти сплошь неграмотным. Интеллигенцию села Марфино представляли: волостной писарь, поп и староста.

Сейчас в колхозном Марфине неграмотных нет. За годы Великой Октябрьской социалистической революции выросла из марфинского крестьянства своя интеллигенция.

Колхозной библиотекой заведует Анна Карпычева. Большие фонды библиотеки, многочисленный состав читателей, их высокие и разносторонние вкусы — все это предъявляет к руководителю библиотеки серьезные требования.

Анна Карпычева находится на высоте этих требований. Она не просто выдает книги, но умело продвигает их. Марфинский библиотекарь хорошо изучила своих читателей, она знает, какая литература интересует читателей, внимательно следит за его развитием и подбирает литературу с таким расчетом, чтобы интерес к книге у читателя повышался, его кругозор обогащался.

Читатель с полным доверием обращается к своему библиотекарю: «Посоветуйте, что мне взять», потому что не было случая, когда ее совет разочаровал читателя.

— У Анны Ивановны хороший вкус, — говорят о ней читатели, сплошь и рядом не подозревая, что ее совет основан не на ее личных вкусах, а на знании вкуса читателя.

Откуда у колхозного библиотекаря такая осведомленность? Какими владеет она «секретами», позволяющими ей так угодить читателю?

Ответ крайне прост: Анна Карпычева, марфинская колхозница, окончившая здесь семилетку, тесно связана с населением. Она бывает у колхозников в домах, проводит беседы, ведет большую агитационную работу. Ей ли не знать своего читателя — своих же колхозников, с которыми она кровно связана.

Во главе марфинской партийной организации стояла четыре года молодая коммунистка Валя Цар, ныне выдвинутая на руководящую партийную работу в район. Ее авторитет в колхозе исключительно высок. Ни одно сколько-нибудь значительное мероприятие в жизни колхоза не проходило без активного участия парторга. К ней ходят советоваться старики, ей поверяют сокровенные свои тайны молодежь.

И опять-таки основу этого доверия и уважения мы находим все в той же близости к народу, которая составляет коренное свойство советской интеллигенции.

Валя Цар — марфинская уроженка. Ее отец батрачил на Паниных. Иными путями пошла ее жизнь. Комсомолка, затем коммунистка, один из организаторов Марфинского колхоза, она прошла прекрасную школу политической борьбы против кулачества, закалилась в этой борьбе и выросла в стойкого большевика, способного организатора масс. Теоретические знания она приобрела в упорной учебе. Училась на курсах при Московском комитете партии, изучала и продолжает изучать труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

В этом сочетании теоретических знаний с практикой политической работы и заключена сила Вали Цар. Она

умеет слышать голос колхозников, она всегда в курсе всех их нужд и забот. Поэтому, когда колхознику нужно в чем-нибудь помочь, эта помощь приходит во-время, а если нужно нанести удар отсталым настроениям или кулацким проидам, удар бывает сокрушительным. В марфинской крестьянке Вале Цар представлены черты советского интеллигента. Дочь народа, она служит ему с любовью, отдавая для блага народа все свои немалые знания, все свои неиссякаемые силы.

На скромной работе колхозного счетовода находится комсомолец Вера Прибылова. Она окончила семилетку. Потом была на счетоводных курсах. Теперь ей вверен колхозниками учет всего их сложного и многообразного общественного хозяйства. Надо знать, как высоко расценивается в деревне учет, правильно отображающий производственную деятельность, контролирующей денежное хозяйство и, главное, правильно отмечающий участие каждого колхозника в труде, чтобы понять, как велико доверие, оказанное молодой девушке-счетоводу. И надо знать, как обычно осторожны и скупы колхозники в своих выводах, чтобы оценить по достоинству их сдержанные похвалы: «Вера-то наша как будто неплохо справляется, вытягивает».

После трудового дня счетовод Прибылова, захватив газету или составив тщательный конспект, идет проводить политбеседы, на которые она большая мастерица. Слушают ее колхозники с увлечением.

А потом, когда кончены служебные обязанности, когда выполнено очередное поручение комсомольской организации, Вера Прибылова идет в драматический кружок. Здесь она — активнейшая участница уже не первый год.

Мы кратко, общими штрихами обрисовали облик трех представителей советской интеллигенции, работающих на различных участках общественно-политической и производственной жизни колхозного села. Всех их, как и остальных советских интеллигентов, работающих в Марфи-

не, объединяет одна общая черта — неразрывная связь с народом. Пять марфинских учителей помогают колхозу выпускать стенные газеты, проводят политбеседы, занимаются с малограмотными. Их общественная жизнь целиком отдана колхозу. Их производственная деятельность также служит благу народа, его культуре и счастью.

Нет и следа былой отчужденности между интеллигенцией и крестьянством.

Не может быть отчужденности там, где интеллигенция выходит из народа, где люди интеллигентного труда — сыны и дочери народа.

В Марфине к концу 1939 г. насчитывали шесть человек, окончивших высшие учебные заведения, семь человек, окончивших техникумы, восемь — окончивших специальную художественную школу, шесть — окончивших бухгалтерские курсы. Из Марфина вышли два летчика, командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Марфинские уроженцы — учителя, агрономы, врачи, инженеры.

На примере своей жизни марфинцы ясно видят, как мудро определение роли новой, советской интеллигенции, которое дал ей великий Сталин. На примере своей жизни они ощущают, какое счастье жить в стране, где трудящиеся могут овладевать высотами культуры, где народом руководит великий Сталин.